

Как по мне,лучше за последние годы не писал в мире никто...

В переводе с иврита фамилия ШалЕв

с ударением, как обычно, на втором слоге

переводится как *спокойный*.

Мудрый, добрый, ироничный, спокойный.

Исполненный любви и бесконечно талантливый.....

(О Меере Шалеве и его «Русском романе»)

11апреля 2023 года умер Меир Шалев, самый читаемый сегодня израильский автор, писавший на иврите и блестяще переведённый на русский.

Родился Меир Шалев 29 июля 1948 в разгар войны за Независимость. Беременную мать провёл по горным тропам в госпиталь брат матери- боец «Пальмаха». Отец Меира, Ицхак Шалев, образованный и талантливый человек, поэт, писатель учил детей Танаху (Библии) и литературе, читал лекции в университете. Мать писателя, Батья Бен -Барах Шалев, писала стихи и рассказы для детей, преподавала в школе.

Детство писателя прошло в посёлке Нахалаль, еврейском поселении в Изреельской долине, прообразе места действия «Русского романа» и многих других книг. Две бабушки и дедушка Шалева приехали в Палестину из Российской империи во второй алии. Родители дедушки владели магазинчиком на Украине. Как рассказывал дедушка, в этом магазинчике продавались: *«Товары для тела: сапоги, топоры, лопаты; товары для души- еврейские молитвенники, тфилин, талес и товары между ними — селёдка»*. Селёдка- это и еда, и лекарство от тоски и грусти. Шалев приводит рассказ дедушки о том, как они пили в голодное время чай. Кусочек сахара не делили, а подвешивали над столом на нитке. *«Чай вприглядку»*. Литературная метафора: смотришь и чувствуешь сладость во рту. *«Идея сладости...»*

Все эти истории мы найдём, позднее, в его романах.

А вот приведённый писателем, рассказ о беседе в 1944 году отца с англичанином, водителем военного грузовика: Глубоко верующий христианин был поражён познаниям отца Шалева в Библии: *«Я не мог себе даже представить, что Библию и на иврит перевели»*.

Во время «Шестидневной войны» Меир Шалев служил в армии, в бригаде «Голани». Был тяжело ранен в случайном столкновении за Иорданом, близок к смерти. Именно в это время у него сформировалось особое отношение к войне и к смерти. Тема войны и смерти пройдёт затем по романам Шалева, но немного стороной как одна из многих. Интересно отметить, что большинство его героев, раненых и убитых на войне, пострадали как бы случайно, в ситуациях далёких от героических. Пафос героизма вообще чужд писателю.

Учился Шалев в Иерусалимском университете по специальности психология. До сорока лет не собирался быть писателем. Любимые предметы: биология, зоология. Став писателем, особо гордился премиями от различных зоологических и энтомологических обществ за удивительно точные и красочные описания в романах животных, птиц, деревьев и трав.

Работал на радио и телевидении. Был одним из самых популярных теле- и радиоведущих в Израиле. Маленький штрих к портрету писателя: любил мотоцикл и автомобиль. Участвовал в гонках джипов по Иудейской пустыне. Подсмеивался: *«Я лучший водитель среди писателей и лучший писатель среди водителей»*.

Шалев человек не религиозный: *«Я не думаю, что Танах- божественное произведение, потому, что от Б-Га я ожидал бы большего...Б-Г написал 10 заповедей и успокоился....Нет у него времени на «Песнь Песней»,- у него и так забот хватает...»*

Первый, самый известный роман писателя называется просто. «Русский роман». Как правило, свою первую книгу люди пишут о том, что они хорошо знают. У Шалева это были : еврейское поселение — мошав- с рассказами бабушек и дедушек и Танах.

Вот как пишет Меер Шалев о Танахе. *«Из Танаха я беру иногда стиль, технику письма, иногда идеи рассказов. Я получил Танах очень светским образом, поэтому я не испытываю трепета по отношению к Моисею, Давиду, Аврааму. Я отношусь к ним, как к литературным героям, как к реальным людям с точки зрения психологии»*. Для Шалева Танах- это прежде всего литература, красивая мифология, которую он блестяще знает. Он вспоминает, как отец, первый и

главный учитель, давал ему мелкую монетку за каждый верно поставленный вопрос по Танаху, приучая будущего писателя к глубокому анализу.

Среди передач по радио, которые вёл в это время Шалев, особой популярностью пользовались *«Библейские рассказы для детей»*. Об Адаме и Еве. Про змея и яблоко. О потопе. Об исходе из Египта. О Моисее и прочее. Светские и религиозные дети по всему Израилю рассаживались на полу у радиоприёмников, выпадая на этот час из окружающего мира.

Сказки, сказания, воспоминания, былины, мифы, притчи. Так строились «Библейские рассказы». Так построен и «Русский роман». Из семейных историй и преданий Меер Шалев создаёт образ становления Страны, начиная со второй алии 1903-1914 и по 70 годы. Образ почти библейский. Исход из Египта и бегство от фараона можно сравнить с исходом из Русской империи и с бегством от погромов начала XX века. Первые поселенцы, пионеры 2-й алии, «восходят» из России в Землю Обетованную и осваивают её, преодолевая трудности.

История народа Израиля в Танахе - это истории жизни отдельных семейств во многих поколениях, начиная от Авраама. Так написан и «Русский Роман», - такая семейная сага четырёх поколений. Шалев пишет: *«Всего 400 поколений отделяют меня от Авраама. И если вся русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, то вся израильская - из мифов «Танаха», из свитков священных книг»*. Писатель продолжает эту традицию, создавая свой особый стиль: *«Библейский мифологический реализм»*. Он уверен: *«Я хорошо знаю библейский язык и умею незаметно вплести его в современный»*.

Хроника романа начинается с создания *«Трудовой бригады им. Фейги Левин»*. Затем следуют мифы- семейные истории членов этой бригады- главных героев романа и персонажей вокруг них. Героическая борьба первопроходцев за выживание. Надежды и обманутые ожидания. Обида. Мечь. Любовь - как вечная тема писателя. Шалев не стремится к повторению историй Танаха. Играв сюжетами, он придумывает свой, новый Танах, события в котором развиваются по библейской справедливости, которая не всегда совпадает с нашей, сегодняшней.

Единого сюжета в романе нет. Да и какой, вообще, может быть сюжет в Танахе? Истории, мифы. В начале романа — обрывки многих сюжетных линий. Переход из одного времени в иное, эпизоды несвязанных событий. Грусть, ирония, любовь, земля, болото, крестьяне. Местами очень смешно. Но смех тихий. Скорее улыбка. Иногда горькая. Порой по- настоящему грустно.

В Танахе *«В начале было Слово»*. В романе это устав *«Трудовой бригады имени товарища Фейги Левин»*. Этот документ, как скрижали Моисея, служит основой для разработки Комитетом, высшим исполнительным органом поселения, где живут наши герои, всех законов мошава- коллективного хозяйства с элементами частной собственности. Мягкая ирония Шалева над его глубокомысленной серьёзностью и утопической назидательностью.

Легендарные пионеры, отцы основатели Страны- библейские сказочные герои нового Танаха. В первую очередь, это члены *«Трудовой бригады»* : Яков Миркин. Циркин-Мандолина, Элиерзер Либерзон и, «примкнувшая к ним», юная красавица Фейга Левин. К ним присоединяются остальные герои романа: Маргулис, Пинес, Рылов... Их жены, дети, внуки, в конце правнуки. Число героев нарастает. Кто на ком женился, кого родил, куда делся... *«Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его...»*.

Мы запутываемся в именах и родственных связях. В последующих романах Шалев рекомендует читателю не мучиться, а сразу строить генеалогическое дерево всех действующих лиц, как у Фолкнера в Йокнапатофе.

Кто же они, эти мифические герои?

Это **Яков Миркин** - основа основ романа. Яков- любимый библейский образ Шалева. Совершенно не случайно в большинстве его романов обязательно имеется свой Яков.

У каждого героя *«Трудовой бригады»* да и всего романа есть занятие, дело, которым он живёт и которым владеет, как никто иной. У Якова Миркина это его сад. Библейский Эдем. Каждое дерево, каждый куст в его саду имеют душу и души эти созвучны душе Миркина.

Как библейский Самсон Миркин убивает голыми руками гиену, как библейский пророк мстит поселянам за их ограниченность и догматизм. Он придумывает в своём саду кладбище и завещает похоронить себя там. И все поселяне желают быть похоронены с ним рядом. *«Почему?.. Может они видели в нём пророка? Пророка Миркина с зелёными пальцами и нимбом тоски вокруг головы? Они верили, что захоронение в древней земле освободит, очистит и избавит их от грехов и приблизит к раю?»* Великолепный сад превращается в великолепное кладбище, которое в 10 раз более прибыльно, чем социалистическое сельское хозяйство. *«Могилы бросили издевательский вызов всему смыслу их жизни»* - так комментирует один из героев романа эту метафору гибели утопической мечты.

Это **Фейга Левин**. Решением *«Трудовой бригады»* она назначается в жёны Якову Миркину. Фейга любит Якова, а он, уважая и оберегая жену, всю жизнь тоскует по своей первой любви- крымчанке Шуламит (Суламифь!), которая

переспала со всеми казаками, затем с большевиками- начальниками, осталась в России и с Миркиным не поехала. Раз в полгода, с пеликанами в клювах посылает она ему письма. Друг Миркина -учитель Пинес в эту историю не верит: *«В России и в Украине нет пеликанов...»* Красивая, весёлая, трудолюбивая, ироничная Фейга- прообраз бабушки Шалева Тони Бен Барах. Невзлюбив политиков, она называет курицу именем жены премьер-министра и ругает, что та несёт мало яиц. В романе её любят все, кроме Якова, а она потеряно смотрит на пролетающих в небе пеликанов.

В библейском «Русском романе» фантастично всё. Герои, их чувства, поступки, отношения.

Сын Фейги и Якова-**Эфраим** красивый и одарённый,самый трагический герой романа. Его искалеченное после ранения лицо не хотят видеть поселяне. Почему? Страшное обличие войны? Не сумев вызвать сочувствие у поселян, он уходит из мошава с быком на плечах. Имя быка- Жан Вольжан. И читатели должны сами вспомнить, что так звали героя романа Гюго «Отверженные». Автор предоставляет нам некий ключ, чтобы попытаться самим разобраться в причинах трагедии Эфраима, да и Якова Миркина. Типичная лаконичность Шалева, свойственная Танаху. Его книги *«густо насыщены библейскими и литературными аллюзиями.»* Шалев обращается к читателю думающему, внимательному и образованному. Женщина спрашивает любимого: *«ты часто думаешь обо мне?»* И тот отвечает: *«ложась и вставая...»* Если Вы узнаете цитату из молитвы- *«Шма Исроэл»*, если вспомните к Кому относятся эти слова, то вам откроется вся глубина блестящей метафоры Шалева.

Дочь Фейги и Якова- красавица **Эстер**. В неё с трёхнедельного возраста влюблён Даниель, сын Элиерзера Либерзона. Влюблён безнадёжно. Сын Эстер- Барух-«Малыш», - воспитанник Миркина, — главный рассказчик в романе, *«крестьянин в отпуске от деревни, от земли, от семьи»*. Именно он, по завету деда, устраивает в саду Миркина кладбище пионеров.

Близкий друг Миркина, член «Трудовой бригады» — **Элиерзер Либерзон** живёт в атмосфере вечной любви к жене Фане. Рассказы, шутки, поцелуи до глубокой старости. Элиерзер, возможно, самый романтичный герой роман. Причём, одновременно догматичный идеолог мошава: - *«Позорно устраивать в еврейском коллективном птичнике пьяный кабак»*. Это его высказывание о Фейге, которая подпаивала индюков, когда усаживала их высидывать куриные яйца.

Третьего члена великой бригады зовут- **Циркин-Мандолин**. Это он *«умел щипнуть одной рукой и струны, и сердце»*. Одной фразой почти всё сказано.

Среди главных героев романа трогательный **Марголис**, который в знаменитую бригаду не входил, а присоединился к ним позже. Если у Миркина делом жизни был сад, то у Марголиса это были пчёлы. Он знал про них всё и любил их беззаветно. Пчёлы отвечали Марголису пылкой взаимностью. Возлюбленная Марголиса Тоня, ушла к нему от своего унылого мужа, лизнув покрытый мёдом *«сладкий палец»* пчеловода. После смерти Марголиса над его могилой постоянно стоял рой пчёл и целыми днями сидела Тоня. Пчёлы вились вокруг могилы и не разлетались. Когда умерла и Тоня, в пчелином облаке над могилой образовалась удивительная пустота. Издалека видимый, как бы вырезанный в густом, чёрном пчелином рое склонённый силуэт любящей женщины. Лучший символ, памятник любви трудно себе представить.

Один из важнейших персонажей романа- учитель **Пинес**. На его примере особенно ярко видно неоднозначное отношение Шалева к своим героям. Любит и посмеивается. Пинес преподаёт в школе Танах и природоведение,- две дисциплины, имеющие своим предметом циклы времён. Если у Миркина делом жизни был его сад, а у Марголиса- пчёлы, то у старого учителя это воспитание детей. В Пинесе сочетаются трогательная любовь: *«Каждый ребёнок был как целый мир и я не переставал вглядываться в него»* и, одновременно, догматическое следование социалистическим идеям. Вот его речи за чаем: *«Они (пионеры) были из другого теста. Терпение целого народа прорвалось в наших сердцах, терпение двух тысячелетий прорвалось в наших сердцах и взбурлило нашу кровь»*. Высокопарность, переходящая у Шалева в иронию. К старости Пинес начинает понимать: *«Мы ошиблись в выборе идеала»*. Вспоминается Андрей Платонов. Сначала ранние «романтические» рассказы: «На заре туманной юности», «Река Потудань», а в конце жизни нескрываемая сатира на социалистические идеи в «Котловане» и «Чевенгуре».

По библейски грандиозна смерть нашего героя. Над входом в пещеру, местом погребения древних обитателей долины, нависает огромный камень. Как Моисей жезлом, бьёт старый учитель маленьким молоточком в одному ему известную точку и проваливается в бездонную пропасть под десятками тонн обломков.

Комедийный персонаж романа, тупой «Страж **Рылов**», сидит всю жизнь в отстойной яме и хранит там страшные запасы взрывчатки и оружия. Взрывается, сапоги с остатками его тела находят через полгода и торжественно хоронят. На похороны приезжают *«бледные старцы... 85-летние братья по «Пальмаху»...которые выбрались по такому случаю из своих отстойных ям»*. После печальной церемонии они собираются под деревом и обновляют явки, пароли, обмениваются давними военными секретами. Смешно и горько.

Внук Миркина **Ури**-. Как Пророки — возносит он свою весть с водонапорной башни. *«Я трахнул жену Либерзона!»*-с этой фразы начинается роман. Умный, красивый, немного циничный Ури- любимец женщин, самый оригинальный мыслитель в романе. Народ его избивает и прогоняет из мошава. Но именно он возрождает сад. Рубит декоративные деревья на кладбище, сажает вновь фруктовые. На последних страницах книги прокричать любимое высказывание просит уже его жена, дочь раввина Нехама, в которую он влюбился, конечно же, на крыше водонапорной башни. Круг замкнулся. Начало и конец роман. Кольцевая композиция напоминает романы Набокова, любимого писателя Шалева.

Так о чём же эта фантастическая, по-библейски грандиозная драма?

Прежде всего: «Русский роман»- это ностальгия о славном прошлом.

Тоска по мечте. Герои романа- отцы основатели,- идеалисты и бессребреники. *«Столько мечтали, а потом нам опять подсунули нечто иное»*. Романтика пионеров столкнулась с реальной жизнью.

Конечно же, это книга о любви.

О любви мужчины и женщины. Такой любви в жизни мы не встречали. Поистине библейские страсти. Каждая из любовных историй в романе фантастична и не похожа на иные. Шалев, как бы исследует понятие, что есть любовь и говорит нам — посмотрите, а вот бывает так. А вот ещё и так. А если вот так, это тоже будет любовь? Миркин и Шуламит с письмами и пеликанами. Маргулис и Тоня- с пчёлами и «сладким пальцем». Элиерзер Либерзон, который всю жизнь, без устали, развлекает жену Фаню. Философ Ури, специалист в вопросах любви, поясняет: *«любая женщина стоит любви на всю жизнь. В Фане не было ничего особенного. Она была не более, чем зеркало, которое Либерзон не уставал начищать и перед которой выполнял свои шпаты и пируэты, плясал и пел...»*. Сын Элиезера- Даниэль Либерзон, который с младенческого возраста и до конца жизни любит Эстер. В трагический день её свадьбы с соперником, на тракторе с плугом он вырезает в земле, на склоне холма многометровые буквы её имени. Каждую весну её имя расцветает фиолетовыми цветами, которые видны с любой точки мошава. Красавец и умница Ури на крыше водонапорной башни упорно ищет свою половину, давая женщинам то, что не смогли дать им их унылые мужья. На этой же крыше влюбляется он в дочь раввина и худеет на 26 кг за 5 недель. Ироничный Шалев приводит точные цифры. Для убедительности.

О любви к природе и всему живому вокруг. Таинственный герой по имени Зайцер появляется уже на первых страницах книги, но то, что это осёл, мы

узнаем ближе к её середине. Активный участник жизни мошава он между делом летает в гости к английской королеве, а когда видит распад в деревне, то заканчивает жизнь самоубийством. О любви к молочным коровам в наушниках, обречённым курицам и хмельным индюшкам, к коту Булгакову и учёным пчёлам Либерзона. Ко всем бесчисленным фруктовым деревьям и кустам удивительного сада Миркина. К полям, лугам, травам и цветам Страны.

Это рассказ о трагедии старости. И не только людей! О молодости и постепенном старении государствообразующей идеи. О вечном несовпадении мечты и действительности. *«Их удивляло, что легендарные пионеры стали стариками... Жизнь разменяла наши титанические мечты и свершения на жалкие гроши ревматизма!».*

Элиезер Либерзон- слепнет после смерти жены Фани,- а на что смотреть? Он уходит в поля и его останки находят через 6 месяцев. *«Слепой и одинокий он утратил всякое значение- как в своих глазах, так и в глазах всей деревни...Всего два поколения прошло, после встречи Либерзона и Фани в виноградных кустах, а кусты эти уже выкорчевали, землю покрыли бетоном...И вся история эта напрочь забыта...»*

Одна из главных тем романа это сионистский утопический социализм.

Сионистская трудовая утопия, неутомимое строительство светлого будущего. Его строили в Стране те самые молодые евреи, которые не успели этим заняться в Советской России. Анатолий Найман пишет о них:- *«...избегая диктатуры, тяги к тоталитаризму ГУЛАГа строили социалистическое государство кибуцев и мошавов. Создавали «трудовые бригады», изучали труды «классиков», создавали «музеи первопроходцев», шли в профсоюзную номенклатуру».* Шалев отчётливо видит сходство идей и мечтаний. Настенный деревенский листок и общие собрания мошава напоминают стенгазеты нашей юности, унылые профсоюзные и комсомольские собрания. До боли знакомые утопические попытки выращивания *«нового человека».* Там- отменив буржуазную эксплуатацию, здесь,-привязав человека к земле и к почве. Когда Маргулис женится, то отец невесты, самый богатый еврей Украины, тайком от большевиков присылает телегу наследства под конвоем 6 казаков и 4 черкесов. Хрусталь, серебро, посуда, постельное бельё, ковры, мебель, одежда. Но: *«Странный блеск в глазах женщин деревни.»* *«То, что папе удалось спасти от русских большевиков, разокрали наши, израильские.»* Уже *«новый человек»*-Тоня Рылев, *«вне себя от зависти и принципов»* требует созвать Комитет и всё поделить.

Что же получается? Что *«вместо неуверенных евреев Галута мы получили грубых и сварливых крестьян»*? Что любовь к земле отняла душу? Меир Шалев насмешничает и иронизирует не столько над своими героями, которых он нежно любит, сколько над самими идеями *«утопического сионистского социализма»*.

Почему же книга так названа? Почему роман русский?

В самом названии уже заложена некая игра слов. В русском языке слово *роман* означает форму литературного произведения и, одновременно, определённые романтические отношения: *«У неё с ним роман»*. «Русский роман» на иврите — это сильные страсти, взаимоотношения героев с эмоциональностью, присущей русской литературе. Эти «страсти» описываются Шалевым с любовью и в то же время *«с привкусом той суховатой иронии, которая ещё горше подчёркивает трудность человеческой жизни.»*

В сионистских идеях «привязанности к земле» Шалев слышит отголоски русского толстовства и народничества. В резолюциях Комитета угадываются саркастические тексты Платонова и Зощенко. В попытках вырастить за несколько поколений «нового человека» проглядывает Булгаков, за неудачными сельскохозяйственными экспериментами — Мичурин и Лысенко. И это естественно, ведь главные герои романа, это русские революционеры, переехавшие на землю Израиля. Поэтому и «Русский роман».

Всё вышесказанное было, О ЧЁМ написан роман. Попробуем глянуть, КАК он написан. Как необыкновенно расположены предложения, слова и буквочки на каждой его странице. *«Не каждый умеет петь. Не каждому дано яблоком падать к чужим ногам»*. Не каждый имеет музыкальный слух. Не все мы понимаем и чувствуем поэзию, в состоянии отличить стихи от хорошо рифмованного набора слов. Шалев сотворяет чудо: *«...читая, произнося про себя вслух медленно слова и буквы, наслаждаясь мелодией звуков, неожиданно до вас доходит страшный, трагический смысл прочитанного, замаскированный красотой звучания слов...»*

Один из героев Джерома Сэлинджера говорил о *«...потоке поэзии пронизывающим всё в мире»*. Это и о книгах Меира Шалева. Музыкальная, цветастая, поэтическая проза.

Роман написан на иврите. *«По общему мнению ивритоязычных читателей, язык Шалева — один из самых богатых в израильской литературе»* Вот как он пишет об иврите: *«Это самый удивительный и интересный язык на свете. Представьте- сюда входит царь Давид. И мы с ним можем поговорить! Сегодня! Мы не всё поймём, но что касается чувств, мы прекрасно поймём,- ни чувства, ни слова, их обозначающие, с тех пор не изменились... Язык как бы*

уснул на 2 тысячи лет летаргическим сном, а теперь он проснулся и развивается так быстро...»

Мы не знаем иврита и читаем этот и иные романы Шалева на русском. Однако и тут нам несказанно повезло. Такое не бывает случайностью. Виртуозным по мастерству владения ивритом, пронзительным по глубине чувств романам соответствуют блестящие переводы удивительной русскоязычной пары Аллы Фурман и Рафаила Нудельмана. Как они переводили Шалева: *«в соответствии с мелодией оригинала, с его музыкой, с его звуковой игрой...»*, как русский язык соотносится с ивритом и где между ними затаился идиш, что связывало этих троих людей в жизни и даже в смерти, всё это отдельная тема... Говоря о Шалеве, я лишь повторяю за Рафаилом Нудельманом: *«...Меня захватила изысканно- сложная композиция, мощная трагическая тема любви- ненависти, лиризм и ирония, распахнутая фантастичность и библейская глубина, — в общем, все, вплоть до дыхания фразы. В этом смысле у меня есть давний камертон: мелодия текста должна подниматься в душе, как ножка бокала (я когда-то видел такой в Гусь-Хрустальном), и распускаться в «чашечку» точно в тот момент, когда душа уже требует вдохнуть. Эту мелодию я ощутил в тексте Шалева.»*

«Если ты хочешь, чтобы я заплакал, ты должен заплакать первым». Перефразируя Горация, скажем: если ты хочешь, чтобы я улыбнулся, ты должен улыбнуться первым. Кажется, что, когда Меир Шалев писал этот и иные романы, улыбка не сходила с его лица. Просто улыбка весёлая и ироничная сменялась на горькую и печальную.

Как по мне, лучше за последние годы не писал в мире никто.

Перечитайте Шалева. Побудьте с ним. Положите камешек на его могильную плиту.

В этом году замечательному израильскому писателю исполнилось бы 75 лет...

Leonid Kaplan